

БЕЛИН.

Суд.-мед. эксперт.

в

деле мултанских

вотряков...

А

174

44

А 174
44

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

ВЪ ДѢЛѢ МУЛТАНСКИХЪ ВОТЯКОВЪ

ОБВИНЯЕМЫХЪ

ВЪ ПРИНЕСЕНІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖЕРТВЫ

ЯЗЫЧЕСКИМЪ БОГАМЪ.

Ч. пр. Э. Ф. Беллина.

Оттискъ изъ газеты «Врачъ», 1896 г. № 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Я. ТРЕЙ, РАЗЪѢЗЖАЯ 43.

1896.

2007237506

Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ Мултанскихъ вотяковъ, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ.

Дѣло Мултанскихъ вотяковъ, дважды обвиненныхъ присяжными и дважды приговоренныхъ судомъ къ тяжкому наказанію за принесеніе ими человѣческой жертвы языческимъ богамъ въ полной мѣрѣ продолжаетъ занимать, особенно въ настоящей его ступени, общественное мнѣніе. Въ текущей печати то и дѣло появляются статьи и замѣтки о немъ, посвященныя общей судебной и этнографической сторонѣ дѣла, отличающіяся подчасъ пристрастіемъ и полныя недоумѣній и сомнѣній. Сенатъ, по жалобѣ защиты, кассировалъ и первый и второй приговоры суда, состоявшіеся въ Малмыжѣ и Елабугѣ, и въ непродолжительномъ будущемъ предстоитъ новое разсмотрѣніе дѣла судомъ присяжныхъ. Отмѣною приговоровъ по этому исключительному дѣлу Сенатъ призналъ недостаточныя объективность и безпристрастность Суда, допущенную имъ неравноправность сторонъ и спорность самаго, яко бы доказаннаго, существованія у вотяковъ человѣческаго жертвоприношенія. И, въ самомъ дѣлѣ, Судомъ признанъ чудовищный фактъ сохраненія среди вотяковъ, — мирныхъ поселянъ — земледѣльцевъ Вятской губерніи, живущихъ бокъ о бокъ съ русскими, одною и тою-же жизнью, на одинаковыхъ началахъ съ ними владѣющихъ землею, испо-

вѣдующихъ ту же христіанскую вѣру, — остатковъ каннибализма, при чемъ самое, яко бы имѣвшее мѣсто человѣческое жертвоприношеніе, произошло не гдѣ-нибудь среди глухихъ лѣсовъ и болотъ, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, а въ большомъ селѣ, Старомъ Мултанѣ, находящемся вблизи большаго Казанско-Пермскаго пути и большой торговой пристани на р. Вяткѣ, — села, въ которомъ около 50 лѣтъ существуетъ православная церковь, живутъ 2 священника съ причтомъ, существуетъ десятки лѣтъ церковно-приходская школа, гдѣ дѣти вотяковъ, наравнѣ съ русскими, обучаются грамотѣ и началамъ христіанскаго ученія. Признано, что нѣсколько вѣковъ образующаго воздѣйствія христіанскаго государства, нѣсколько вѣковъ безмятежнаго сожителства, не повліяли на искорененіе у вотяковъ стараго языческаго каннибализма. Трудно повѣрить такому, яко бы доказанному на Судѣ факту; странно допустить возможность такого чудовищнаго явленія въ предѣлахъ нашего отечества у порога ХХ столѣтія.

Невольно возникаетъ вопросъ, почему со времени покоренія вотскаго края новгородцами въ XII столѣтіи никогда не было слышно о такомъ жертвоприношеніи, почему, если обычай человѣческаго жертвоприношенія сохранился и основанъ на глубоко вкоренившемся вѣрованіи вотяковъ, онъ не проявлялся до сихъ поръ, почему не возбуждались такія дѣла ранѣе, почему соотвѣтственныя власти и служители церкви не обращали на это должнаго вниманія, не преслѣдовали этого остатка варварства, почему въ первый разъ подобный случай обнаруженъ лишь въ 1892 году? Могъ ли такой остатокъ варварства укрыться отъ зоркихъ глазъ администраціи и особенно духовенства? Этнографъ *П. Н. Лупповъ*, пересмотрѣвшій архивъ синодскихъ дѣлъ за прошлое столѣтіе, представляющихъ какое-либо отношеніе къ случаямъ изъ религіозной жизни вотяковъ, пересмотрѣвшій даже такія-же дѣла въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи и въ Сарапульской мѣстной консисторіи, нигдѣ не нашелъ ни одного указанія, ни одного намека на человѣческія жертвоприношенія. Совершенно справедливо одинъ изъ нашихъ видныхъ и

талантливыхъ публицистовъ ¹⁾ говорить: «если такіе отрицательные доводы не могутъ служить опроверженіемъ доказаннаго факта, то они вполне достаточны, чтобы требовать самаго полного доказательства». Вопросъ въ томъ доставлены ли эти доказательства? Къ счастью, такіа доказательства, какъ это призналъ и самъ Сенатъ, кассируя дѣло два раза, до сихъ поръ не доставлены. Общія судебныя и этнографическая стороны дѣла подверглись уже самой всесторонней и тщательной оцѣнкѣ общей печати, которая въ данномъ случаѣ во всемъ, что касается освѣщенія общихъ фактовъ, съ успѣхомъ сыграла роль третьей стороны въ дѣлѣ. Я и не думаю касаться этихъ сторонъ, и не мое дѣло оцѣнивать возможность факта вообще или опредѣлять виновность подсудимыхъ.

Меня, какъ присяжнаго эксперта и судебного врача, занимаетъ другая весьма важная, — быть можетъ, даже важнѣйшая, — *сторона дѣла — судебно-медицинская, до сихъ поръ еще никѣмъ незатронутая.*

Основываясь на судебно-медицинской экспертизѣ, обвиненіе, какъ видно изъ обвинительнаго акта, доказываетъ, что нищій К. Матюнинъ, павшій жертвою языческимъ богамъ, при жизни былъ подвергнутъ полному обезкровливанію перерѣзкою шеи и отдѣленіемъ головы, что для получения крови его для жертвоприношенія онъ былъ подвѣшиваемъ за ноги и что для той-же цѣли ему производились уколы въ животъ, что, наконецъ, изъ трупа его извлечены, сообразно съ требованіями обряда, внутренности грудной полости. Въ этихъ именно дѣйствіяхъ обвиненіе и усматриваетъ признаки обрядоваго убійства.

Давно интересуясь этою, спеціальною, судебно-медицинскою стороною дѣла, давшею подспорье для указанныхъ положеній обвиненія, я только недавно получилъ возможность познакомиться подробно съ дѣломъ по присланнымъ мнѣ копіямъ съ подлинныхъ актовъ и по только-что появившемуся въ Москвѣ изданію: «Дѣло Мултанскихъ вотяковъ, обвинявшихся въ принесеніи человѣческой жер-

¹⁾ Русское Богатство, 1895, книга 11-я.

твы языческимъ богамъ», вышедшему подъ редакціею и съ примѣчаніями извѣстнаго публициста *В. Г. Короленко* (Москва, 1896, типографія «Русскихъ Вѣдомостей»). Последнее изданіе, служа дополненіемъ актовъ, содержитъ почти стенографически дословно записанную судебно-медицинскую экспертизу на судебномъ разбирательствѣ въ Елабугѣ (29 сентября—1 октября 1895 г.).

Ознакомленіе мое съ этими данными и вынесенное мною изъ нихъ впечатлѣніе и побуждаютъ меня въ нижеслѣдующемъ высказать мое мнѣніе объ этой сторонѣ Мултанскаго дѣла. Я ставлю себѣ при этомъ задачею объективныя, строго-критическіе оцѣнку и разборъ судебно-медицинскихъ матерьяловъ, дабы, на основаніи такой оцѣнки ихъ, сдѣлать тотъ или другой, оправдываемый наукою и опытомъ, выводъ по важнѣйшимъ спеціальнымъ вопросамъ дѣла.

Важнѣйшій матерьялъ для судебно-медицинской экспертизы въ дѣлѣ составляетъ конечно *протоколъ вскрытія* и изслѣдованія трупа Матюнина, вошедшій въ судебно-медицинское свидѣтельство (*visum peritum*). Я приведу этотъ протоколъ здѣсь цѣликомъ, указавъ предварительно, что во введеніи судебно-медицинскаго свидѣтельства дословно сказано, «что вотяки, не смотря на свою принадлежность къ православію, продолжаютъ открыто совершать языческія моленія съ приношеніемъ въ жертву животныхъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ и человека, какъ это видно изъ показаній Кобылина ¹⁾). Для этихъ жертвъ требуются голова и внутренности животнаго. Во дворѣ Моисея Дмитріева, около двора котораго отдыхалъ нищій Матюнинъ, найдено корыто, въ которое при моленіи вотяки сливаютъ кровь жертвы. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятые, приводятъ къ заключенію, что убійство нищаго

¹⁾ Кобылинъ показывалъ на Судѣ, что онъ слышалъ отъ не-извѣстнаго и глупаго (несовсѣмъ умомъ былъ) вотяка, нищаго, что у вотяковъ есть боги, что есть боги Антаъ, Курбонъ и Чупканъ; у слѣдователя же онъ показывалъ, что слышалъ, что богъ Курбонъ «черезъ нѣсколько лѣтъ, 40 лѣтъ и меньше, проситъ человека».

совершенно съ цѣлію принесенія человѣческой жертвы языческому божеству вотяковъ». Я привожу здѣсь это мѣсто введенія, такъ какъ оно, по видимому, въ сильной степени опредѣляло отношеніе врача, вскрывавшаго трупъ, ко всему изслѣдованію. Затѣмъ, слѣдуетъ собственно протоколъ.

Наружный осмотръ. Трупъ находится въ лѣсу, въ 3 верстахъ отъ села Мултана, по направленію къ деревнѣ Чульѣ, въ свѣже вырытой ямѣ. Тамъ же, 4 іюня, въ 10 часовъ утра, при ясной погодѣ, произведено освидѣтельство-ваніе. Трупъ раздѣтъ при предварительномъ полицейскомъ осмотрѣ; очень крѣпкаго, атлетическаго сложенія; головы и шеи на трупѣ нѣтъ. Длина корпуса отъ верхней поверхности плечеваго состава до пятокъ 2 аршина. Кожа блѣдно-сѣроватаго цвѣта съ зеленоватымъ оттѣнкомъ на умѣренно-вздутѣмъ животѣ; кожа мѣстами слабо соединена съ кожею и легко соскабливается остріемъ ножа; на нижней части живота находятся буроватыя пятнышки, какъ бы обожженные; по соскабливаніи кожицы они дымчатаго цвѣта, величиною отъ горошины до лѣснаго орѣха; числомъ около 10; по разрѣзѣ пятенъ та же окраска углубляется на 1—2 линіи въ подкожную клѣтчатку (?). По разрѣзѣ мягкихъ частей на обѣихъ голеняхъ спереди и сзади найдены кровоподтеки въ видѣ мелкихъ небольшихъ кровяныхъ свертковъ; на нижнихъ третяхъ голеней, у лодыжекъ, на разрѣзахъ выступаетъ блѣдно-красноватая жидкость, причемъ мягкія части представляются какъ бы отечными. На верхнихъ конечностяхъ ни кровоподтековъ, ни отековъ не замѣчено. По разрѣзѣ мышцъ на туловищѣ, верхнихъ конечностяхъ и бедрахъ онѣ представляются блѣдными, вялыми; даже крупныя вены (бедренныя) оказались пустыми, спавшимися, и крови въ нихъ не найдено. На два поперечныхъ пальца выше ключицъ по горизонтальной плоскости отнята шея. Мѣста отдѣленія влажны, грязноватаго цвѣта, гладки, ровны, по видимому сдѣланы однимъ круговымъ разрѣзомъ острымъ ножомъ. Кожа съ поверхностными слоями мышцъ кругомъ отсепарована (отдѣлена), спереди до ключицъ, а сзади между лопатокъ, до 5-го груднаго позвонка; послѣдній у верхней части перерубленъ по

горизонтальному направленію—сзади, снизу, кпереди и кверху (подъ угломъ въ 5°). Пять лѣвыхъ реберъ и 4 правыхъ отрублены почти непосредственно у позвоночника. Такимъ образомъ, сверху (со стороны спины) продѣлано большое отверстіе въ грудную полость; мѣста отдѣленія реберъ у позвоночника гладки, ровны, безъ осколковъ, по видимому, отрублены топоромъ (вѣроятно, узкимъ, длиннымъ). Пятое правое ребро оказалось надрубленнымъ, но цѣлость его не нарушена, т. е., оно не сломано. На лѣвомъ (внутреннемъ) краѣ лѣвой лопатки выломанъ кусочекъ въ квадратный дюймъ. Края перерѣзанныхъ шейныхъ мышцъ на глубину 1—2 дюймовъ темно-грязновато-краснаго цвѣта, на дальнѣйшемъ же протяженіи очень блѣдны.

Внутренній осмотръ. Грудная полость оказалась пустой, сѣроватаго цвѣта, внизу покрыта, по видимому, пищевой кашицей, которая при поворачиваніи сочится изъ отверстія пищевода; грудобрюшная преграда не повреждена и выдалась куполообразно; пищеводъ, аорта съ лимфатическимъ протокомъ и нижняя полая вена отрѣзаны непосредственно у грудобрюшной преграды; средостѣнія и сердечной сумки тоже нѣтъ. Брюшная полость постороннихъ веществъ не содержитъ; сальникъ и брюшина блѣдны; желудокъ сѣроватаго цвѣта съ красноватою слизистою оболочкою, на которой дымчатая сѣтъ и точечныя кровоизліянія; въ немъ найдено съ полстакана сѣроокрасноватой безструктурной (переваренной) кашицы; кишки вздуты, блѣдны; паренхиматозные органы очень малокровны и ничего особеннаго не представляютъ. Мозговые оболочки прстивъ 5-го спиннаго позвонка перерублены съ гладкими ровными краями.

Въ дополненіе къ протоколу вскрытія я приведу слѣдующія данныя изъ слѣдственнаго производства: Трупъ Матюнина обнаруженъ былъ 6 мая 1892 г. на пѣшеходной, непроѣзжей въ лѣтнее время тропѣ, ведущей изъ деревни Чульи въ деревню Аныкъ, Старотрыкской волости, въ 3-хъ верстахъ отъ села стараго Мултана. Тропа эта пролегаетъ по топкому болоту, поросшему лѣсомъ. Для прохода по ней насланъ на протяженіи версты бревен-

никъ, безъ котораго, нога тонетъ въ болотѣ по колѣно и больше. Во время обнаруженія трупа окружающая мѣстность представляла лужи воды и жидкую грязь. Подѣхавъ къ мѣсту обнаруженія трупа на подводѣ близко нельзя. Тотъ же трупъ былъ замѣченъ еще въ полдень 5 мая дѣвушкою М. Головизниною, проходившею по этой дорогѣ къ находящейся вблизи мельницѣ; онъ былъ прикрытъ тогда полою азяма, почему дѣвушка и приняла его за спящаго человѣка. Такъ какъ трупъ лежалъ поперекъ дороги, то она обошла его по ногамъ. Возвращаясь на другой день, она нашла на томъ же мѣстѣ трупъ безъ головы; пола азяма оказалась откинутаю. Трупъ лежалъ ничкомъ. Другая дѣвушка, П. Кобылина, проходившая по той же самой дорогѣ 5 мая между 8 и 9 часами утра, трупа не видѣла; его тогда еще не было на дорогѣ. Вслѣдствіе этого обвиненіе полагаетъ, что трупъ вывезенъ сюда между 9 и 12 часами утра 5 мая. По документамъ, найденнымъ въ котомкѣ при трупѣ, покойный оказался нищимъ Конономъ Матюнинымъ изъ завода Ныртовъ (за 100 верстъ отъ Мултана); изъ документовъ же видно, что онъ страдалъ падучею болѣзнью. Нищій этотъ 4 мая проходилъ черезъ Старый Мултанъ, гдѣ его видѣли часовъ въ 7 вечера и позже, передъ наступленіемъ ночи, сидѣвшимъ на бревнахъ около дома Мурина. Изъ составленнаго 10 мая (съ 5 до 10 мая трупъ пролежалъ на мѣстѣ его обнаруженія) станovýmъ приставомъ Тимофѣевымъ протокола осмотра трупа видно, что трупъ былъ одѣтъ въ зипунъ изъ крестьянскаго сукна, въ синелестрядинную рубаху и штаны; на ногахъ его оказались липовые лапти, холщевыя онучи и шерстяныя чулки; чулки, онучи и лапти были надѣты на ноги не плотно; веревки завязаны слабо, такъ что пятка выходила за край лаптя. За плечами оказалась котомка на лямкахъ. При трупѣ оказалась татарская теплая шапка, мѣдный стаканъ, дѣтскій шерстяной чулокъ, ветхій шарфъ, холщевый кошелекъ, котомка съ 5 фунтами муки, мѣдный крестъ съ перерваннымъ шнуркомъ. Нигдѣ кругомъ трупа слѣдовъ крови незамѣчено. На одеждѣ и бѣльѣ трупа, кромѣ небольшого кровянаго пятна на рубашкѣ около ворота,

и кроваваго пятна въ видѣ полосы на правой полѣ зипуна, образовавшейся, какъ сказано тамже, отъ закрытія полою обрѣза шеи, и нѣсколькихъ пятенъ на лѣвой полѣ зипуна, относительно которыхъ говорится: «какъ бы обтирали руки», нигдѣ крови не оказалось. Вообще одежда на остаткахъ трупа была таже, что и на нищемъ, котораго видѣли 4 мая въ Мултанѣ; одежда чистая. Кругомъ трупа ничего подозрительнаго не найдено. Слѣды ногъ, которыя могли бы служить указаніемъ, откуда трупъ принесенъ, во время осмотра, оказались затоптанными. Въ томъ же протоколѣ осмотра сказано: «трупъ средняго роста, крѣпкаго сложенія; голова отрѣзана съ шеей почти у самыхъ плечъ и вытянуто горло, но со всѣми ли внутренностями разобратъ невозможно, потому что внутри отверстіе представляетъ массу запекшейся крови. Около этого отверстія найдено нѣсколько прядей выющихся русыхъ волосъ и нѣкоторые изъ нихъ съ оторванною кожею; на животѣ трупа находится нѣсколько небольшихъ какъ бы коростъ, затянутыхъ запекшеюся кровью. Болѣе знаковъ на трупѣ никакихъ не имѣется». Составлявшій протоколъ осмотра, приставъ Е. Тимофѣевъ, при допросѣ на Судѣ, показалъ, что крови на мѣстѣ перерѣзки шеи въ отверстіи, образовавшемся отъ вынутія горла не было; что въ протоколъ это занесено ошибочно. Слѣдовъ отъ поврежденій на ногахъ, опухоли ногъ, слѣдовъ отъ перевязки ногъ онъ во время осмотра не замѣтилъ. Тоже показываютъ и другіе свидѣтели, понятые и пр. Послѣ осмотра, произведеннаго полиціею 10 мая, трупъ былъ перенесенъ въ другое сухое мѣсто и уложенъ въ яму, вырытую въ землѣ, высыпанную свѣгомъ, гдѣ и ожидалъ въ теченіи почти мѣсяца вскрытія. Изъ показанія жены потерпѣвшаго видно, что Матюнинъ былъ «крѣпкій», волосъ имѣлъ «долгій», «бѣлорусый», водки послѣднія 20 лѣтъ не пилъ. Оказавшееся на немъ платье и бѣлье было его собственное, въ которомъ онъ за нѣсколько недѣль до обнаруженія трупа его вышелъ изъ завода Ныртовъ для собиранія милостыни.

Изъ другихъ обстоятельствъ дѣла для экспертизы имѣетъ значеніе, что въ шаланѣ для моленій крестьянина

Моисея Дмитриева, въ которомъ будто-бы произошло убійство и который находится около дома Мурина, гдѣ на бревнахъ видѣли нищаго, найдено *корыто* съ признаками крови, въ видѣ полосы идущей по одной продольной и одной поперечной внутреннимъ сторонамъ корыта. Корыто выдолблено; глубина его въ срединѣ дна 3 вершка. Дно корыта представляетъ ясныя слѣды сѣчки, указывающіе на употребленіе его съ поварскими цѣлями. Дно его было соскоблено. При изслѣдованіи корыта въ Медицинскомъ Департаментѣ обнаружены прилипшіе къ стѣнкамъ его *волосы*. Относительно кровяныхъ слѣдовъ Департаментъ далъ заключеніе, что «рѣшеніе вопроса, принадлежитъ ли кровь человѣку, невозможно, такъ какъ шарики уже значительно измѣнились». По объясненію владѣльца корыта, пятна въ немъ произошли отъ лежавшей въ корытѣ солоны («отстаивалась свѣжина»). Относительно волосъ, найденныхъ въ корытѣ, Департаментъ даетъ заключеніе, что они «имѣютъ сходство по строенію и по величинѣ одни, которые покрупнѣе, съ головными волосами человѣка, другіе, тонкіе—съ короткими волосами, встрѣчающимися у человѣка на задней сторонѣ шеи, на спинѣ, на груди, но отличаются отъ нихъ бѣльшимъ развитіемъ клѣточныхъ элементовъ слоя кожицы. Такого рода волосы встрѣчаются у нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, напр. у овецъ». На двухъ перекладинахъ того-же шалаша найдено множество волосъ отъ животныхъ. При изслѣдованіи этихъ волосъ во Врачебномъ Отдѣленіи Вятскаго Губернскаго Правленія, между 102 волосами найдено пять волосковъ человѣческихъ, но при сличеніи ихъ съ волосами Матюнина они оказались несходными; прочіе всѣ волосы оказались волосами животныхъ. У Департамента при изслѣдованіи волосъ, найденныхъ въ корытѣ не было для сравненія волосъ Матюнина. Спустя 15 мѣсяцевъ послѣ убійства въ шалашѣ были обнаружены еще какіе-то волосы, и между ними одинъ длиною въ 7 см., который, по заключенію Врачебнаго Отдѣленія, оказался похожимъ на волосы, найденные у трупа. Впослѣдствіи этотъ волосъ исчезъ. Самое появленіе его въ дѣлѣ тоже недостаточно удостовѣрено (нѣтъ

протокола выемки). Между тѣмъ это единственный волосъ, который по произведеннымъ изслѣдованіямъ волосъ, можетъ считаться имѣющимъ какое-либо отношеніе къ дѣлу. При изслѣдованіи поверхностныхъ слоевъ земли, снятыхъ съ пола шалаша, крови нигдѣ не обнаружено. Корыта, въ родѣ найденнаго въ шалашѣ, составляютъ принадлежность всякаго вотяжскаго хозяйства, такъ какъ вотяки собираютъ кровь животныхъ, подвергаемыхъ рѣзкѣ ¹⁾. Въстѣ съ корытомъ при обыскахъ дома М. Дмитріева найденъ былъ *пологъ*, на которомъ оказались разсѣяныя буроватыя пятна кругловатой и неправильной формы. По предположенію обвиненія, этимъ пологомъ былъ накрытъ трупъ, когда его вывозили ²⁾. Происхожденіе пятенъ на пологѣ опредѣлить не удалось (заключеніе Департамента). Изслѣдованы были и *вырѣзки изъ столовъ*, скамейки и перекладины шалаша; на нихъ слѣдовъ крови не обнаружено (отзывъ Врачебнаго Отдѣленія). Былъ подвергнутъ еще химическому изслѣдованію *пестерь* ³⁾, въ которомъ, по какимъ-то слухамъ, будто бы была вынесена голова убитаго, но на немъ подозрительныя пятна оказались не содержащими крови. На рубахѣ и штанахъ предполагаемаго убійцы, мясника Кузьмы Самсонова, оказались пятна отъ крови млекопитающихъ. Полъ шалаша М. Дмитріева въ одномъ мѣстѣ, подъ дырою въ крышѣ, оказался сырымъ, вслѣдствіе растаянія снѣга, набившагося черезъ дыру въ шалашѣ зимою. Обвиненіе полагаетъ, что сырость эта произошла отъ смыванія крови, образовавшейся на полу отъ перерѣзки шеи Матюнину. Все остальное, затѣмъ, не имѣетъ никакого значенія для экспертизы. Свидѣтельскія показанія отличаются запутанностью, неопредѣленностью; все это косвенныя улики, слухи, слухи о слухахъ, пока

¹⁾ Кровь эта варится и употребляется въ пищу.

²⁾ Это предположеніе связано съ показаніемъ Е. Щербакова, встрѣтившаго утромъ 5 мая М. Дмитріева и его жену, которые везли что-то покрытое пологомъ. Встрѣтилъ онъ ихъ по дорогѣ идущей въ Аныкъ, съ которой можно свернуть на дорогу въ Чулюю, отъ коей начинается тропинка, на которой обнаруженъ трупъ.

³⁾ Лыковый мѣшокъ.

занія, добытыя при помощи караульныхъ, посаженныхъ къ арестованнымъ, при помощи медвѣжьихъ чучелъ, и другихъ пріемовъ, среди которыхъ мы встрѣчаемся даже съ угрозою повѣсить, со стрѣльбою и пр., какъ средствами для запугиванія и полученія показаній. Прямыхъ показаній, уличающихъ кого-либо изъ подсудимыхъ въ причастности къ убійству, могущихъ претендовать на какую-либо достовѣрность, нѣтъ вовсе. Самъ обвинительный актъ, между прочимъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующую фразу: «что убійство Матюнина совершено именно Мултанскими вотяками, это подтверждается образомъ дѣйствій и разговорами нѣкоторыхъ изъ нихъ по поводу убійства». Добавлю еще, что нищій Матюнинъ никому неизвѣстенъ въ с. Мултанѣ и впервые замѣченъ былъ проходящимъ черезъ село ¹⁾. Преданы, не смотря на сказанное, суду наиболѣе вліятельные изъ вотяковъ села Старого Мултана, безъ которыхъ не рѣшается ни одно общественное дѣло, которые должны были поэтому имѣть отношеніе къ убійству и которые всѣ ходятъ на моленіе въ шалашъ М. Дмитріева, заподозрѣнный какъ мѣсто жертвоприношенія. Никто изъ нихъ не отрицаетъ послѣдняго обстоятельства, т. е., хожденія ихъ въ шалашъ М. Дмитріева, равно какъ и того, что они въ извѣстное время года (Пасха, Петровъ день, Крещеніе и пр.) совершаютъ моленія и что моленія эти сопровождаются принесеніемъ въ жертву утокъ, гусей, барановъ и пр., а въ исключительныхъ случаяхъ, въ години бѣдствій, мора или неурожая, приносятъ въ жертву даже и крупныхъ животныхъ. Такой обрядъ у нихъ дѣйствительно сохранился, на ряду съ христіанскимъ ученіемъ, какъ остатокъ прежнихъ ихъ вѣрованій. Среди обвиняе-

¹⁾ Какой-то мальчикъ видѣлъ, что сотскій поздно вечеромъ 4-го мая велъ какого-то нищаго по направленію къ дому крестьянина Кондратьева, который, по существующей, видно, въ с. Мултанѣ повинности, долженъ былъ въ этотъ день принять на ночлегъ нищихъ, находившихся въ деревнѣ. Домъ Кондратьева находится недалеко отъ шалаша М. Дмитріева. Обвиненіе предполагаетъ, что Кондратьевъ завелъ нищаго М. въ шалашъ, гдѣ онъ и былъ убитъ. Разсказъ мальчика на судѣ ничѣмъ не подтвердился.

мыхъ одинъ староста Мултанской православной церкви, другой старикъ 90 лѣтъ.

Вотъ матерьялы слѣдствія, которые легли въ основу судебно-медицинской экспертизы на Судѣ при разбирательствѣ дѣла въ Елабугѣ. Важнѣйшіе вопросы, бывшіе предметомъ экспертизы и подлежавшіе ея рѣшенію, были слѣдующіе:

1) вопросъ о причинѣ смерти Матюнина или, иначе, *произошла ли смерть отъ обезкровливанія при жизни путемъ перерѣзки шеи?*

2) вопросъ о томъ, *былъ ли Матюнинъ, съ цѣлію полученія всей крови его, подвѣшиваемъ за ноги?*

3) вопросъ о томъ, *были ли произведены Матюнину уколы остриемъ въ животъ для полученія крови же?*

4) *вопросъ о свойствахъ и значеніи продѣланной уже на трупѣ операціи удаленія нѣсколькихъ позвонковъ изъ грудной части позвоночнаго столба.*

Переходя къ оцѣнкѣ судебно-медицинскихъ матерьяловъ дѣла, я начну съ общей характеристики достоинства важнѣйшаго изъ нихъ—*протокола судебно-медицинскаго изслѣдованія трупа*, или остатковъ трупа Матюнина—этого *corpus delicti* совершеннаго преступленія. Содержаніе этого протокола, нужно сказать, мало соотвѣтствуетъ требованіямъ судебно-медицинскаго акта, который долженъ содержать точное и подробное, строго-объективное описаніе того, что усмотрѣно при изслѣдованіи. Описаніе найденныхъ измѣненій отличается большою неточностью, неполнотою, а мѣстами и отсутствіемъ всякаго описанія. Эти качества акта, затрудняющія сужденіе, соединены или замѣнены личными выводами или опредѣленіями вскрывавшаго, которыя не могутъ быть провѣрены, а должны быть принимаемы на вѣру. Явленія гніенія описаны крайне неясно. О трупныхъ измѣненіяхъ кожи отлогихъ частей туловища и конечностей, особенно же спины, не сказано ни слова. Трудно представить себѣ какой-то однообразно сѣровато-блѣдный цвѣтъ кожи съ зеленоватымъ оттѣнкомъ на умѣренно вздутомъ животѣ, на трупѣ, пролежавшемъ 5 дней на открытомъ воздухѣ

въ сравнительно теплое время года и почти 4 недѣли въ ямѣ, о глубинѣ и прочихъ свойствахъ которой ничего неизвѣстно. О гнилостныхъ измѣненіяхъ внутреннихъ органовъ брюшной полости ничего не сказано. Въ виду всего этого, трудно составить себѣ представленіе о степени подвинувшагося гніенія. Таже неудовлетворительность описанія объективнаго состоянія органовъ касается и крайне важныхъ, въ данномъ случаѣ, измѣненій на шеѣ, на животѣ, на голеняхъ. Измѣненія на шеѣ—форма, величина отверстія, состояніе кожи въ окружности неопредѣлены. Что осталось на шеѣ, какія мышцы, неизвѣстно. Каково состояніе мышцъ спины на мѣстѣ изъятія позвоночника, неопредѣлено. Ни какихъ данныхъ объ особенностяхъ внутренней поверхности мѣшка, образовавшагося отъ отдѣленія кожи спины до 6-го позвонка, не приведено.

Относительно бывшихъ на голеняхъ спереди и сзади мелкихъ кровоподтековъ нѣтъ ни точнаго описанія мѣста, гдѣ они находились, ни описанія формы, направленія, величины и свойствъ разрыва ихъ. Мѣсто и распространеніе якобы отекаго пропитыванія на нижнихъ частяхъ голей точно неопредѣлено. О свойствѣ краевъ перерѣзанныхъ грудобрюшной преграды аорты, пищевода и нижней полой вены ничего не сказано. О свойствѣ мѣста отдѣленія средостѣній и сердечной сорочки, равно какъ и о свойствѣ центральныхъ концовъ перерѣзанныхъ, при выниманіи аорты, межреберныхъ и бронхіяльных артерій, не говорится ничего. О состояніи грудной плевры тоже нѣтъ указаній. Описаніе брюшныхъ и тазовыхъ органовъ ограничивается тѣмъ, что сальникъ, брюшина и кишки блѣдны, кишки вздуты, а паренхиматозные органы очень малокровны и ничего особеннаго не представляютъ; о величинѣ этихъ органовъ, о плотности ихъ, объ измѣненіяхъ ихъ въ зависимости отъ разложенія, о содержимомъ кишокъ никакихъ указаній нѣтъ; о селезенкѣ, мочевомъ пузырькѣ, мочеточникахъ, большихъ сосудахъ, брыжжейкѣ, забрюшинной клѣтчаткѣ нѣтъ ни одного слова; между тѣмъ, одна брюшная полость, собственно говоря, и подлежала изслѣдованію, такъ какъ ни головы, ни шеи, ни ор-

гановъ груди не было. Только относительно желудка даны положительные данныя, а именно краснота слизистой оболочки и кровоподтеки въ ней.

Ограничиваясь сдѣланными общими указаніями на достоинства протокола, долженствующаго служить основой экспертизы, я перейду къ разрѣшенію вопросовъ, бывшихъ предметомъ ея разслѣдованія и разрѣшенія.

Можно ли на основаніи имѣющихся данныхъ установить причину смерти Матюнина или, иначе, произошла ли смерть Матюнина, какъ доказываетъ обвиненіе, отъ полного обезкровленія Матюнина перерѣзкою шеи при жизни?

Остатки трупа оказались безъ головы, безъ шейныхъ и грудныхъ органовъ, безъ сердца, большихъ сосудовъ, легкихъ, дыхательныхъ путей, сердечной сорочки и пищевода. Чтобы установить, при данныхъ условіяхъ, что отнятіе головы или перерѣзка шеи были именно причиною смерти, нужно доказать, что отдѣленіе головы произведено при жизни, нужно представить убѣдительныя, непреложныя доказательства прижизненности поврежденія шеи.

Поверхность отдѣленія шеи, т. е., поверхность перерѣзанныхъ въ нижней $\frac{1}{3}$ шеи кожи и шейныхъ мышцъ, представляется, какъ сказано въ протоколѣ, грязноватою, ровною, влажною, гладкою; особенности этой поверхности, края перерѣзанныхъ и сохранившихся частей шеи, произвели на вскрывавшаго впечатлѣніе, что отдѣленіе головы сдѣлано однимъ круговымъ разрѣзомъ острымъ ножомъ. На перерѣзанныхъ частяхъ поверхности сръза никакихъ слѣдовъ крови, въ видѣ свертковъ или болѣе сплошнаго слоя, не оказалось; на краяхъ кожной раны и въ окрестности ея, на остаткахъ кожи шеи, тоже никакихъ слѣдовъ крови неусмотрѣно, какъ и на всемъ трупѣ вообще. Края перерѣзанныхъ шейныхъ мышцъ на протяженіи 1—2 дюймовъ отъ плоскости отдѣленія, какъ сказано въ протоколѣ, были темно-грязновато-краснаго цвѣта (по объясненію вскрывавшаго на Судѣ—сѣро-красноватаго цвѣта); нигдѣ, опять-таки, между остатками мышцъ, рыхло соединенныхъ между собою нѣжными фасціальными лист-

ками, никакихъ слѣдовъ кровоизліянія, въ видѣ пятенъ, свертковъ или полосъ отъ затековъ крови между мышцами, пучками ихъ, между мышцами и кожей или въ рыхлой подкожной клѣтчаткѣ неусмотрѣно. Вотъ имѣющіяся объективныя данныя по этому вопросу. Едва ли нужно доказывать, что въ нихъ о состояніи поверхности и краевъ срѣзанныхъ на шеѣ частей, нѣтъ ни какихъ указаній на прижизненное отдѣленіе головы у Матюнина. Красновато-сѣрый или грязновато-красный цвѣтъ периферическихъ концовъ перерѣзанныхъ шейныхъ мышцъ есть непосредственный и прямой результатъ разложенія и гніенія трупа. Въ такомъ именно видѣ и должны представляться концы предоставленныхъ гніенію въ теченіи мѣсяца, при условіяхъ влажности и доступа воздуха, мышцъ. Болѣе темно-красноватая окраска концовъ ихъ, въ сравненіи съ блѣднымъ цвѣтомъ мышцъ на дальнѣйшемъ протяженіи, обусловливается, конечно, только выдѣленіемъ на поверхность разрѣза жидкости изъ ткани (несомнѣнно кровянистой) и гніеніемъ. При условіяхъ сухости воздуха тѣ же края имѣли бы темнокрасный, почти черный цвѣтъ и были бы совершенно сухи, плотны. Условія болотистой мѣстности несомнѣнно представляли а priori уже всѣ условія, благопріятствовавшія именно влажному гніенію. Вскрывая неоднократно трупы самоубійцъ, покончившихъ жизнь перерѣзкою шеи, или убитыхъ, лишенныхъ жизни такимъ же путемъ, я всегда наблюдалъ характерные для прижизненнаго причиненія раны затеки крови между слоями мышцъ, между фасціальными листками ихъ, по направленію сосудовъ, листовъ фасціи и влагалищъ мышцъ. Такіе затеки распространялись иногда въ глубь, въ грудную полость, въ видѣ неправильно удлинненныхъ пятенъ или полосъ свернувшейся крови. Ничего подобнаго здѣсь не было. Общая же степень гніенія трупа, насколько можно установить ее, совершенно исключаетъ предположеніе о гнилостномъ размягченіи и распаденіи бывшихъ прижизненныхъ кровоизліяній, т. е., затековъ крови. Такимъ затекамъ крови между мягкими частями шеи благопріятствуетъ образующаяся при перерѣзкѣ шеи при жизни не-

ровная, съ множествомъ углубленій поверхность, въ зависимости отъ сократительности шейныхъ мышцъ, направленіе, плотность и толщина которыхъ весьма различны. При необычайной рыхлости соединенія частей затеки немнугемы; и нельзя допустить, чтобы на остаткахъ мышцъ шеи трупа Матюнина ихъ бы не было, если бы мышцы эти были перерѣзаны при жизни. А между тѣмъ затековъ не было. Равномѣрность грязновато-красноватой окраски концовъ перерѣзанныхъ мышцъ на 1—2 дюйма вглубь отъ края отдѣленія ихъ, на которую такъ напирала экспертиза на Судѣ, какъ на доказательство прижизненности перерѣзки шеи, тоже служить, на мой взглядъ, только подтвержденіемъ тому, что измѣненіе цвѣта концовъ мышцъ, было обусловлено ничѣмъ инымъ, какъ гніеніемъ; о такой равномѣрности распространенія прижизненныхъ измѣненій (затековъ) не можетъ быть и рѣчи. Я оставляю совершенно въ сторонѣ занесенное въ протоколъ осмотра трупа полиціей то обстоятельство, что отверстіе, ведущее со стороны шеи въ грудную полость, внутри представляло много заекшейся крови. Обстоятельство это отвергаетъ самъ приставъ, писавшій протоколъ осмотра. Его не подтверждаютъ и бывшіе при этомъ понятые и всѣ другіе видѣвшіе трупъ Матюнина; оно, наконецъ, находится въ полномъ противорѣчій съ протоколомъ вскрытія. Если бы въ отверстіи входа въ грудную полость было бы такъ много крови, то послѣдняя тѣмъ болѣе была бы въ грудной полости и слѣды ея, въ видѣ трупнаго пропитыванія подреберной плевры, были бы усмотрѣны при изслѣдованіи остатковъ трупа.

Такимъ образомъ, *измѣненія, бывшія на остаткахъ шеи и указанныя въ протоколъ, не даютъ никакихъ данныхъ въ пользу прижизненнаго отдѣленія шеи, а разъ это такъ, то отдѣленіе головы перерѣзкою шеи не было причиною смерти Матюнина.*

Въ подтвержденіе этого я могу привести еще и слѣдующія, болѣе общія соображенія, вытекающія изъ данныхъ дѣла. Трупъ Матюнина обнаруженъ 5 мая въ той-же одеждѣ и въ томъ-же бѣльѣ, въ какомъ его видѣли 4 мая въ с. Мултанѣ; на одеждѣ и бѣльѣ, за исключеніемъ небольшо-

го кроваваго пятна на рубашкѣ, около ворота, и на полахъ зипуна, никакихъ слѣдовъ крови не обнаружено; и одежда, и бѣлье оказались чистыми. Перерѣзка шеи у живаго человека, вслѣдствіе множества сосудовъ на шеѣ, особенно артеріальныхъ, изъ которыхъ кровь при перерѣзкѣ брызжетъ струею во всѣ стороны, сопровождается сильнѣйшимъ кровотеченіемъ; и никакими предосторожностями нельзя убересть одежду и трупъ отъ запачканія и обрызгиванія ихъ кровью. Все окружающее должно быть обрызгано кровью. Струя бьющей артеріальной крови, ударяясь объ окружающіе предметы, должна была дать множество обратныхъ брызгъ, рассыпавшихся во всѣ стороны. Лица, державшіе трупъ, не могли избѣгнуть загрязненія брызгами. Все окружающее служило стѣнкою, отъ которой кровь отскакивала во всѣ стороны. Полъ на мѣстѣ убійства перерѣзкою шеи долженъ былъ быть опачканъ кровью. Между тѣмъ, мы видимъ изъ дѣла, что даже предполагаемый убійца не былъ опачканъ человѣческою кровью, что полъ шалаша, снятый для изслѣдованія на кровь, даже и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ оказался сырымъ, не далъ никакихъ слѣдовъ крови вообще, хотя обвиненіе и думаетъ, что земляной полъ въ этомъ мѣстѣ предполагаемаго убійства былъ смытъ. Какъ бы ни смывали кровь съ земляного пола, присутствіе ея въ немъ должно было быть обнаружено изслѣдованіемъ.

Далѣе, перерѣзка шеи у живаго человека, находящагося въ полномъ обладаніи своими чувствами и въ сознаніи, невозможна безъ сильной и упорной борьбы, особенно если подвергаемый перерѣзкѣ, какъ это было въ данномъ случаѣ, человекъ крѣпкаго, атлетическаго сложенія. Слѣды предсмертной борьбы при такихъ условіяхъ должны были бы быть непременно на трупѣ, въ видѣ ссадинъ, царапинъ, синяковъ и т. п. Въ дѣйствительности же никакихъ такихъ слѣдовъ на остаткахъ трупа не оказалось. Если даже допустить, что перерѣзка произведена надъ человекомъ, находившимся въ состояніи оглушенія, безчувственности или сильнаго опьяненія, то все сказанное относительно свойствъ и особенностей кровотечения при такой перерѣзкѣ шеи остается, все-

таки, въ полной силѣ. Предположеніе о полномъ опьяненіи Матюнина опровергается показаніемъ жены его, что онъ 20 лѣтъ водки не пилъ.

Приходится остановиться здѣсь на *вопросъ о полномъ обезкровливаніи трупа Матюнина*, происшедшемъ будто бы отъ прижизненной перерѣзки шеи и продолжавшейся послѣ этого въ теченіи извѣстнаго времени (5—8 минутъ) дѣятельности сердца.

Обстоятельство это широко обсуждалось и упорно доказывалось экспертизою на Судѣ: на него потрачено много времени, но совершенно безплодно для выясненія истины. Произвести полное обезкровленіе человѣка перерѣзкою большихъ сосудовъ шеи, прежде всего, невозможно. Опыты, произведенные надъ животными съ цѣлю опредѣлить количество ихъ крови и состоявшіе въ перерѣзкѣ большихъ сосудовъ на шеѣ показали, что этимъ путемъ никоимъ образомъ нельзя получить всего количества крови животнаго, равняющагося у человѣка и высшихъ млекопитающихъ $\frac{1}{12}$ — $\frac{1}{13}$ — $\frac{1}{15}$ вѣса тѣла. У крупнаго животнаго, напр., лошади, вѣсомъ въ 450 кило, при перерѣзкѣ шеи удается получить только 20, а иногда лишь 17 — 15 кило крови, тогда какъ все количество крови, равное $\frac{1}{15}$ вѣса тѣла, равняется 30 кило. Такимъ образомъ въ тѣлѣ задерживается около $\frac{1}{3}$, а иногда даже и до $\frac{1}{2}$ всего количества крови. Итакъ, даже и при полной перерѣзкѣ шеи въ трупѣ, должно остаться болѣе или менѣе значительное количество крови. Доказывать такія нелѣпицы, какъ высказанная во время экспертизы на Судѣ, будто бы полному обезкровливанію трупа способствовала продолжавшаяся въ теченіи 5—8 и болѣе минутъ послѣ отдѣленія головы дѣятельность сердца, ни съ чѣмъ, конечно несообразно. Перерѣзка (раздраженіе) блуждающихъ нервовъ на шеѣ ведетъ къ быстрой остановкѣ дѣятельности сердца. Нѣтъ надобности указывать здѣсь на общеизвѣстныя данныя, что при остромъ малокровіи (при кровотеченіи изъ большихъ сосудовъ), подъ вліяніемъ быстро наступающаго паденія давленія крови въ полостяхъ сердца, дѣятельность сердца быстро слабѣетъ, замедляется и совершенно останавливается. Обще-

известно также и самородное прекращение кровотоков при остромъ малокровіи, въ зависимости отъ наступающей судороги сосудовъ. Доказывать далѣе, какъ это тоже было сдѣлано на Судѣ, будто бы такому полному обезкровливанію трупа Матюнина способствовало подвѣшивание его за ноги, значить совершенно оставлять безъ вниманія анатомическія и фізіологическія условія, способствующія движенію крови по сосудамъ. При подвѣшиваніи за ноги и перерѣзкѣ, затѣмъ, шеи, известная часть сердца и сосудовъ, слѣдуя законамъ сифона, быстро опорожняется, но это не имѣетъ никакого значенія для опорожненія всей сосудистой системы. Такое опорожненіе, при обратныхъ фізіологическимъ отношеніямъ условіяхъ тока крови, встрѣчаетъ въ венахъ большія затрудненія со стороны заслонокъ. Добавлю, наконецъ, ко всему сказанному, что самое распредѣленіе крови въ тѣлѣ животнаго затрудняетъ безпрепятственное ея выдѣленіе: распредѣленіе это таково, что лишь $\frac{1}{4}$ всего количества крови заключается въ сердцѣ и крупныхъ сосудахъ, $\frac{1}{4}$ содержится въ печени, $\frac{1}{4}$ въ мышцахъ и послѣдняя $\frac{1}{4}$ въ остальныхъ органахъ тѣла (Опыты *Rankes* надъ перевязкою сосудовъ различныхъ органовъ при жизни). Такое распредѣленіе крови, способствуя выдѣленію известныхъ количествъ ея, напр., изъ сердца и сосудовъ, обусловливаетъ значительныя препятствія со стороны другихъ (напр., печени) вслѣдствіе вступающихъ при этомъ въ силу законовъ герметизма, замкнутости системы, благодаря которой волосная сѣть и мелкія сосуды удерживаютъ кровь и пр.

Объективныя измѣненія, указанныя на остаткахъ трупа—блѣдность и вялость мышцъ грудной клѣтки и конечностей, малокровное состояніе брюшныхъ органовъ и пр., и давшія поводъ для разговоровъ о полномъ обезкровливаніи трупа, объясняются совершенно просто значительно подвинувшимся гніеніемъ трупа, оскѣданіемъ и пропитываніемъ крови изъ сосудовъ и органовъ. Гніенія, при установленныхъ условіяхъ, было совершенно достаточно, чтобы дать картину, похожую на картину обезкровленія; и только крайняя недостаточность описанія явленій разложенія и

гниенія въ протоколѣ вскрытія могла дать поводъ для совершенно безплодныхъ разговоровъ по этому вопросу.

Итакъ, *голова отдѣлена на трупъ; признаковъ прижизненнаго отдѣленія ея нѣтъ; о полномъ обезкровливаніи трупа не могло быть и рѣчи; а разъ это такъ, то причина смерти Матюнина не установлена; при отсутствіи головы, шеи и грудныхъ органовъ и крайне поверхностномъ изслѣдованіи остатковъ трупа вообще она даже и неустановима. При данныхъ условіяхъ ничѣмъ не исключаются самыя различныя виды насильственной смерти и даже естественная смерть — отъ причинъ, по той-же причинѣ неустановимыхъ.*

Перехожу къ вопросу о значеніи измѣненій на нижнихъ частяхъ голеней трупа въ связи съ вопросомъ о подвѣшиваніи Матюнина за ноги. «При разрѣзѣ мягкихъ частей, на обѣихъ голеняхъ, спереди и сзади, найдены кровоподтеки, въ видѣ небольшихъ кровяныхъ свертковъ; на нижнихъ третяхъ голеней у лодыжекъ при разрѣзахъ выступаетъ блѣдно-красноватая жидкость, при чемъ мягкія части представляются какъ-бы отечными». Экспертиза въ этихъ измѣненіяхъ усматриваетъ слѣды предсмертной борьбы съ убійцами и допускаетъ, что они могли произойти отъ подвѣшиванія Матюнина за ноги для полученія крови его во время убійства. Мѣста описанныхъ мелкихъ кровяныхъ свертковъ на голеняхъ не указаны точно; указано только мѣсто усмотрѣннаго «какъ бы отека» въ нижней части голеней и около лодыжекъ, изъ чего слѣдуетъ, что кровоподтеки усмотрѣны выше этого мѣста, въ средней или верхней третяхъ. Такое предположеніе согласуется и съ описаніемъ, даннымъ на Судѣ вскрывавшимъ трупъ врачомъ: «разрѣзавъ мягкія части голеней спереди и сзади, я усмотрѣлъ мелкіе кровоподтеки; продолжая же разрѣзъ, дойдя до лодыжекъ, я нашелъ, что мягкія части пропитаны жидкостью». Ни форма подтековъ, ни расположеніе ихъ (напр., въ одной горизонтальной плоскости) не указаны. Какое же значеніе могутъ имѣть эти измѣненія? Если бы это были знаки отъ предсмертной борьбы съ убійцами, то совершенно непонятно, почему эта борьба

оставила какіе-то симметричныя слѣды въ видѣ мелкихъ кровоподтековъ только на голеняхъ. Если бы въ данномъ случаѣ была борьба передъ предполагаемою прижизненною перерѣзкою шеи, то борьба эта была бы, конечно, отчаянная, и мы имѣли бы выраженіе ея въ мѣстахъ приложенія силы, въ видѣ ссадинъ, подтековъ и пр. не на голеняхъ, а на наиболѣе выдающихся частяхъ тѣла, особенно на верхнихъ конечностяхъ, плечахъ, локтяхъ, кистяхъ, и затѣмъ на колѣнахъ. Ничего подобнаго нѣтъ, въ протоколѣ: напротивъ, относительно этого приведены даже отрицательныя данныя, ибо говорится, что на верхнихъ конечностяхъ кровоподтековъ незамѣчено. Ихъ искали, но ихъ не было. Странно было бы думать, чтобы толчки, удары и ушибы при борьбѣ за жизнь непременно выразились только, и при томъ еще симметрично, на голеняхъ, не оставивъ нигдѣ никакихъ другихъ слѣдовъ.

Спрашивается, могли ли эти неясныя измѣненія на голеняхъ произойти отъ подвѣшиванія Матюнина за ноги? Вопросъ этотъ рѣшить довольно легко. Въ отрицательномъ смыслѣ говоритъ, прежде всего, мѣсто усмотрѣнныхъ на голеняхъ спереди и сзади мелкихъ кровоподтековъ, находившихся не въ области голеностопныхъ составовъ и не въ нижнихъ третяхъ голеней. Всякая повязка, какова бы она ни была, наложенная на голени съ цѣлю подвѣсити тѣло человека, при самомъ повѣшеніи за ноги, подъ вліяніемъ тяжести тѣла, особенно же такого атлетическаго и крѣпко сложеннаго, какъ тѣло Матюнина, должна была смѣститься, т. е., соскользнуть внизъ до лодыжекъ, такъ какъ только здѣсь она встрѣчаетъ надлежащую опору и сопротивленіе; именно здѣсь при подвѣшиваніи и должны были бы получиться слѣды отъ давящей повязки, въ видѣ борозды, болѣе или менѣе углубленной, блѣдной или ссаженной, съ кровоподтеками въ подлежащихъ мягкихъ частяхъ или на костяхъ, происхожденію которыхъ въ данномъ мѣстѣ благопріятствуютъ тонкость кожи, рыхлость подкожной кѣтчатки и сплошная костная съ выдающимися бугровидными частями подкладка. Особенно это должно было бы случиться вслѣдствіе тренія соответственныхъ

частей ноги въ плотной повязкѣ при движеніяхъ во время подвѣшиванія (при качательныхъ движеніяхъ тѣла), при стараніяхъ освободиться изъ петли и т. д. При такихъ условіяхъ на стопахъ выше давящаго орудія могли оказаться и признаки трупнаго застойнаго пропитыванія и воспрепятствованнаго оттока крови, но никоимъ образомъ не описанныя въ протоколѣ измѣненія. Полиція (приставъ, урядникъ) и сторонніе люди, осматривавшіе трупъ 9 мая, раздѣвавшіе его, не усмотрѣли на ногахъ никакихъ измѣненій и бороздъ, ни желоба отъ вдавленія, ни подтековъ. Въ дѣлѣ есть какое-то указаніе (слухъ), что при подвѣшиваніи ноги обматывались новиною (холщевыми онучами), но это ничего не измѣняетъ въ сказанномъ: обмотанная вокругъ ноги холщевая тряпка, на которую была надѣта давящая повязка, не могла помѣшать тому, чтобы на ногѣ получились всѣ указанные измѣненія. Въ виду сказаннаго *отрицательное значеніе этихъ мелкихъ кровоподтековъ на голеньяхъ для вопроса о подвѣшиваніи Матюнина не подлежатъ сомнѣнію*. Что же касается до того, что это за измѣненія на ногахъ, то мнѣ, само собою, напрашивается слѣдующее простое объясненіе ихъ. На Матюнинѣ при жизни онучи были плотно обмотаны веревками лаптей; конецъ веревокъ, завязка лаптей, какъ это обыкновенно бываетъ, располагались въ верхней или средней $\frac{1}{3}$ голени надъ основаніемъ образуемаго голенью конуса. Такое положеніе завязки сохранилось въ теченіи извѣстнаго времени и на трупѣ. Послѣдствіемъ этого и было образованіе застойной трупной полосы надъ концемъ веревокъ, стягивавшихъ голень (трупное пропитываніе), которое и могло быть легко принято за подтеки. Такія явленія пропитыванія нерѣдко симулируютъ кровоподтеки. Они тѣмъ болѣе могли образоваться, если во время перенесенія трупа, дергали за веревки, за лапти. При этомъ легко могли образоваться даже и подкожные надрывы мышцъ и пропитываніе тканей на мѣстѣ веревокъ кровью. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что на обнаруженномъ трупѣ повязка лаптей оказалась уже ослабленною, что и могло быть послѣдствіемъ приемовъ, примѣнявшихся для перенесе-

нія трупа съ мѣста на мѣсто (таскали, взявшись за лапти, за веревки ихъ). По той-же причинѣ лапти оказались неплотно сидѣвшими на ступняхъ. Что же касается до кажущихся отековъ на нижнихъ третяхъ голеней и на лодыжкахъ, то несомнѣнно, что это было обычное припуханіе кожи въ зависимости отъ трупной эмфиземы, особенно рѣзко выраженной здѣсь, опять-таки, благодаря обилію въ данныхъ мѣстахъ рыхлой клѣтчатки. Перетяжка голеней веревками лаптей, которой выше мы приписали происхожденіе трупной полосы, симмулировавшей мелкіе кровоподтеки, способствовала задержкѣ въ ногахъ трупныхъ жидкостей, вслѣдствіе чего при надрѣзѣ кожи у лодыжекъ и выдѣлялась блѣдно-красноватая жидкость. Если бы это былъ дѣйствительный отекъ, вслѣдствіе патологическихъ причинъ, то онъ былъ бы равно выраженъ и на ступняхъ.

Вопросъ о значеніи обнаруженныхъ на нижнихъ частяхъ брюшныхъ покрововъ измѣненій, въ связи съ предположеніемъ объ уколахъ, причиненныхъ при жизни въ животъ съ цѣлію получить кровь для жертвоприношенія, не представляетъ особыхъ затрудненій. На измѣненныхъ гніеніемъ покровахъ живота (кожица вездѣ свободно снималась) обнаружено нѣсколько буроватыхъ пятнышекъ, производившихъ впечатлѣніе какъ бы отъ ожоговъ, величиною отъ горошины до лѣснаго орѣха. Послѣ соскабливанія кожицы пятна эти имѣли дымчатый цвѣтъ; и такая окраска распространялась вглубь на 1—2 линіи въ толщу кожи. Пятна касались, такимъ образомъ, только поверхностныхъ частей собственно кожи (corii); никакихъ дальнѣйшихъ измѣненій не обнаружено ни въ толщѣ брюшной стѣнки, ни на брюшинѣ, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Такія измѣненія на покровахъ живота не имѣютъ ничего общаго съ прижизненными поврежденіями въ видѣ уколовъ въ животъ острымъ орудіемъ; отъ такихъ уколовъ остріемъ ножа получаютъ щелевидныя ранки съ кровоизліяніями въ ткань, а не какія-то пятна, величиною отъ горошины до лѣснаго орѣха съ пропитываніемъ лишь поверхностныхъ слоевъ кожи на такомъ же пространствѣ. Сопоставляя обнаруженные при вскрытіи измѣненія на животѣ съ

тѣмъ, что при осмотрѣ полиціею и понятыми на тѣхъ-же мѣстахъ 10 мая были усмотрѣны какія то коросты (измѣненія похожія на пузырьки или расчесы при чесоткѣ), не больше горошины величиною, нужно думать, что разбѣраемая пятна были обыкновенные трупные пузыри (фликтены), происходящіе отъ просачиванія трупной жидкости, при разложеніи, подъ кожицу; пузыри эти на 6 день послѣ смерти (при осмотрѣ трупа) только начали еще образовываться и имѣли тогда вслѣдствіе сывороточно-кровоянистаго содержиимаго красноватый цвѣтъ; при вскрытіи же они представлялись уже спавшимися, несодержавшими жидкости, частью высохшими, въ видѣ пятенъ буроватаго (дымчатаго) цвѣта съ поверхностнымъ пропитываніемъ ихъ бывшаго дна. Врачъ, вскрывавшій трупъ, будучи предупрежденъ слѣдователемъ, что нищаго кололи въ животъ остріемъ ножа, тѣмъ не менѣе, ничего похожего на прижизненное поврежденіе—на уколы и кровоизліянія въ каналы этихъ уколовъ,—не замѣтилъ. Если сохранились на трупѣ кровоподтеки на голеняхъ, то сохранились бы и слѣды кровоизліяній въ прижизненныхъ колотыхъ ранкахъ брюшной стѣнки. Наконецъ, странно было бы представить себѣ, чтобы производившій десятокъ уколовъ въ животъ, произвелъ ихъ всѣ такъ ровно, чтобы глубина уколовъ всюду равнялась лишь 1—2 линіямъ.

На основаніи изложеннаго я прихожу къ выводу:

1) что *причина смерти Матюнина*, на основаніи данныхъ изслѣдованія остатковъ трупа его, *опредѣлена быть не можетъ*;

2) что эти-же *данные не даютъ никакой опоры для предположенія о прижизненной перерѣзкѣ шеи Матюнину*;

3) что *измѣненія на нижнихъ частяхъ голени трупа не могутъ служить указаніемъ на подвѣшиваніе Матюнина во время собиранія крови его изъ перерѣзанныхъ сосудовъ шеи*; и

4) что *на брюшныхъ стѣнкахъ остатковъ изслѣдованнаго трупа никакихъ слѣдовъ прижизненныхъ поврежденій, уколовъ и пр., не было*.

Покончивъ съ этими, существеннѣйшими въ дѣлѣ, вопро-

сами, я долженъ перейти къ произведенной на трупѣ операціи—изъятію части позвоночника и грудныхъ внутренностей,—способу производства и возможнаго ея значенія. Такъ какъ производство операціи,—въ томъ видѣ, какъ она должна была бы быть произведена на трупѣ на первый взглядъ представляетъ значительныя затрудненія, то я, на нѣсколькихъ трупахъ, любезно доставленныхъ мнѣ товарищемъ Д. Θ. Рындовскимъ изъ Губернской Земской Больницы, ознакомился съ техникою такой операціи и прямо здѣсь же скажу, что выполненіе подобной операціи, дѣйствительно, сначала представляетъ серьезныя затрудненія, которыя преодолеваются только нѣкоторымъ упражненіемъ. Опытами я убѣдился, что для изъятія грудныхъ внутренностей операція эта безусловно необходима. Перерѣзка шеи въ самой нижней ея части отнюдь еще не позволяетъ извлечь грудныя внутренности, такъ какъ никакого свободнаго пространства для проникновенія черезъ верхнее грудное отверстіе (*aperturae thoracis superior*) въ грудную полость при этомъ не имѣется. Дабы имѣть возможность проникнуть рукою въ грудную полость для отдѣленія и извлеченія органовъ и особенно перерѣзки ихъ у грудобрюшной преграды необходимо или вырѣзать грудную кость, или изъять часть позвоночника. Отдѣливъ кожу съ поверхностными мышцами впереди до 1-го ребра, а сзади до 5—6 грудныхъ позвонковъ, мы получаемъ возможность, сильно оттягивая отдѣленную кожу спины, при помощи кожныхъ ножницъ, или узкой пилы, отдѣлить внутренніе концы первыхъ 5 реберъ отъ позвоночника. Оттянуть кожу на столько, чтобы сзади напередъ можно было стамескою или долотомъ отдѣлить 5-й позвонокъ отъ шестаго или перерубить пятый, не удастся, не смотря на то, что я пользовался для опытовъ трупами лицъ тощихъ съ слабо напряженною, подвижною кожею. Оставалось искать иной возможности изъять и отдѣлить выпиленный кусокъ. Это оказалось возможнымъ спереди, со стороны входа въ грудную полость (*aperturae thoracis superior*). Отдѣливъ мягкія части шеи и задняго средостѣнія отъ передней поверхности грудной части позвоночника,

можно настолько вытянуть или выдвинуть отдѣленную отъ реберъ часть вверхъ и впередъ, особенно если выгнуть или выпятить ее при этомъ дугообразно впередъ, что пятый позвонокъ оказывается почти въ верхнемъ грудномъ отверстіи. Послѣ этого долотомъ и молоткомъ, ударяя имъ въ отвѣсномъ направленіи, легко уже отдѣлить или перерубить 5-й позвонокъ. Получается почти горизонтальная поверхность сруба или отдѣленія подъ тѣмъ же угломъ въ 5 градусовъ, какъ и на трупѣ Матюнина (направленіе спереди сверху кзади внизъ). Когда сдѣлано такое отверстіе въ грудную полость, внутренности извлекаются уже легко, но, опять-таки, не цѣликомъ, а по частямъ; сначала нужно вынуть одно легкое, вытянувъ его и перерѣзавъ у корня; затѣмъ—другое, а за нимъ уже можно перерѣзать аорту, вену, пищеводъ и пр. у грудобрюшной преграды извлечь всѣ эти части вонъ. Иначе это можетъ быть сдѣлано развѣ только при условіяхъ спаденія легкихъ отъ гніенія.

Только-что изложенное легко разрѣшаетъ совершенно необъяснимый для экспертизы на Судѣ вопросъ о способѣ отдѣленія 5-го позвонка. Отдѣленіе его произошло, очевидно, спереди, а не сзади. Я пользовался для отдѣленія реберъ отъ позвоночника и острымъ (заостреннымъ) переднимъ концемъ широкаго лезвія топора. Выдвинувъ лежавшій ничкомъ на столѣ трупъ за край стола и помѣстившись впереди отдѣленной шеи, я, при помощи топора, при сильномъ оттягиваніи назадъ крючками кожи спины (передній край кожной шейной раны при этомъ приподнимался и надвигался на отверстіе въ грудную полость) могъ перерубить концы реберъ; но отдѣленіе 5-го ребра отъ позвоночника, вслѣдствіе невозможности оттянуть кожу настолько, чтобы получить къ нему доступъ, представляло большія затрудненія. При этомъ легко порѣзать или перерубить кожу. Легко также при всей этой операціи надрубить внутренній край недостаточно отведенной лопатки, пересѣкающій при этомъ линію отсѣченія реберъ. Этимъ и объясняется, почему пятое правое ребро оказалось только надрубленнымъ, а изъ внутренняго края лопатки вы-

бить кусокъ. Какъ бы то ни было, опытами на трупахъ я убѣдился въ возможности произвести, хотя и съ трудомъ, далеко нелегкую операцію, продѣланную на трупѣ Матюнина и при помощи топора. Далѣе, тѣже опыты убѣдили меня, что, если кому-либо, по отдѣленіи головы, была поставлена задача изъять грудныя внутренности безъ поврежденія кожи и безъ измѣненія вида отверстія въ грудную полость, то ему только и оставалось прибѣгнуть именно къ тому приему, который былъ примѣненъ въ данномъ случаѣ; при вырѣзываніи для той-же цѣли грудной кости впереди получились бы западеніе кожи и рѣзкое измѣненіе формы отверстія въ грудную полость.

Опыты мои дали и нѣкоторыя практическія указанія. Вынувъ отдѣленный кусокъ позвоночника, я съ верхней стороны грудной клѣтки получилъ огромное отверстіе. Край этого отверстія былъ образованъ исключительно перерѣзанною кожею шеи, подъ которою и изъ подъ которой торчали концы нѣкоторыхъ перерѣзанныхъ мышцъ. Такъ какъ кожа была отдѣлена отъ мышцъ, то всѣ почти заднія и боковыя мышцы шеи были изъяты вмѣстѣ съ позвоночникомъ; въ соединеніи съ кожею остались лишь (нижніе концы) поверхностныхъ шейныхъ мышцъ (*platysma myoides*, грудиноключичнососковыхъ, грудиноподъязычныхъ, грудинощитовидныхъ, лопаточноподъязычныхъ переднихъ лѣстничныхъ и трапеціевидной) и *trapezius*. Самый же кожный край перерѣза представлялся неровнымъ, съ различными выемками и зазубринами, обусловленными различною плотностью перерѣзываемыхъ частей, вдавленіями кожи при разрѣзѣ и образованіемъ складокъ. Края оставшихся мышцъ тоже были неровные, сморщенные, состоявшіе изъ лоскутовъ различной величины. Никакой поверхности срѣза шеи въ плоскости, образованной мышцами, сосудами, нервами и кожею не получаютъ, такъ какъ гортань, сосуды, пищеводъ и пр. изъяты вмѣстѣ съ грудными внутренностями. Спрашивается, о какомъ же гладкомъ перерѣзанномъ краѣ мышцъ на шеѣ, на уровнѣ ея перерѣзки, идетъ рѣчь въ протоколѣ? Такая поверхность (въ видѣ плоскости) пере-

рѣзанныхъ мягкихъ частей шеи съ ровными, гладкими краями можетъ существовать лишь въ теоріи. На дѣлѣ же, какъ я убѣдился опытами на трупахъ, ея не существуетъ. При перерѣзкѣ шеи на живомъ, при неизъятѣ еще позвончикѣ, когда сократительность мышцъ сохранена, вслѣдствіе различной силы мышцъ и различнаго направленія ихъ, точно также можетъ получиться только неровная поверхность срѣза, съ различно оттянутыми концами мышцъ и представляющая вслѣдствіе этого различной величины углубленія или пазухи; такая поверхность должна благопріятствовать затекамъ и образованію кровоизліяній между мышцами. Послѣ же изъятія позвончика при этомъ должно получиться тоже, что я получилъ на трупѣ, — плюсъ, конечно, слѣды кровоизліяній въ рыхлой подкожной клѣтчаткѣ, между фасціальными листками, мышцами и т. д. Обстоятельство это заставляетъ относиться съ большою осторожностью къ описанію мѣстъ отдѣленія шеи въ протоколѣ.

Изъ сказаннаго, несомнѣнно вытекаетъ, что *цѣль изъятія на трупъ части позвончника* можетъ быть только одна — *извлеченіе изъ грудной полости внутренностей*. Въ литературѣ нѣтъ подобныхъ наблюденій, а потому нужно думать, что начинъ, продѣланный впервые на трупѣ Матюнина операціи принадлежитъ именно тому, кто ее исполнилъ. Такъ какъ ни въ этнографическихъ данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ, ни въ показаніяхъ свидѣтелей, знакомыхъ со способами убійства, приносимыхъ вотяками въ жертву животныхъ, нѣтъ никакихъ указаній на примѣненіе подобныхъ пріемовъ для добыванія внутренностей животныхъ, то eo ipso понятно, что *въ такой совершенно исключительной операціи нельзя видѣть особенность какого то никѣмъ и ничѣмъ неустановленнаго обряда*. Животныя рѣжутся обычнымъ порядкомъ, и внутренности ихъ извлекаются также обычнымъ, принятымъ въ хозяйствѣ и въ ремеслѣ способомъ.

Относительно производившаго извлеченіе изъ внутренностей трупа Матюнина нужно сказать, что *способъ этого извлеченія указываетъ на опытность и знакомство съ пріе-*

мами оперированія на животныхъ и на особенное умѣніе владѣть топоромъ, приобретаемое обыкновенно мясниками, искусно отдѣляющими топоромъ кости вообще и въ частности половину грудной клѣтки отъ позвоночника. Эгнотграфъ С. К. Кузнецовъ, въ докладѣ своемъ Томскому Обществу естествоиспытателей ¹⁾, называетъ все продѣланное на трупѣ Матюнина *грубою поддѣлкой* подъ вотское жертвоприношеніе. Я думаю, что названіе «грубая поддѣлка» не подходитъ.— Это *поддѣлка искусственная, тонкая, изощренная*, съ соблюденіемъ внѣшняго благообразія. Вопросъ только въ томъ, кому и для чего это благообразіе понадобилось?

Мнѣ слѣдовало бы здѣсь остановиться. Однако, нѣсколько напрашивающихся *сопоставленій и одинъ совершенно неожиданный*, но прочно научно обосновываемый выводъ, изъ нихъ вытекающій, даютъ мнѣ нѣкоторую почву для *рѣшенія* всего этого темнаго дѣла и, главнымъ образомъ, для рѣшенія вопроса—*имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ обрядовымъ убійствомъ?* Операция, продѣланная на трупѣ Матюнина для изъятія грудныхъ внутренностей, сдѣлана, какъ я уже сказалъ, съ сохраненіемъ цѣлости кожи; оператору—рѣзнику, очевидно, поставлена была задача извлечь внутренности, не измѣняя наружнаго внѣшняго вида трупа. Не будь такой задачи, оперировавшій вскрылъ бы обычнымъ въ ремеслѣ способомъ грудную полость и вынулъ бы изъ нея внутренности или же, отдѣливъ бы грудину и извлекъ внутренности черезъ входъ въ грудную полость. Онъ не воспользовался этими легко выполняемыми приемами, а предпочелъ имъ трудную операцию—предварительнаго подкожнаго изъятія части позвоночника. Только особыя обстоятельства или иначе—поставленная ребромъ задача—могли вынудить его сдѣлать операцию именно по этому способу.

Выше я уже сказалъ, что въ трупѣ Матюнина, оказавшемся при вскрытіи безкровнымъ, въ зависимости отъ гніенія послѣ перерѣзки шеи должно остаться все еще значительное количество крови. Эта оставшаяся кровь должна

¹⁾ Сибирскій Вѣстникъ, 1895, №№ 173, 175 и 176.

была скопиться въ наиболѣе крупныхъ венахъ тѣла; значительное количество ея, благодаря условіямъ герметизма, должно было задержаться во внутреннихъ органахъ, и особенно въ печени. Почти все это количество оставшейся въ трупѣ крови должно было излиться въ грудную полость при изъятіи внутренностей и перерѣзкѣ нижней полой вены у грудобрюшной преграды непосредственно надъ печенью. Такая перерѣзка даетъ условія для опорожненія отъ крови нижней полой вены и печени. Излившаяся въ грудную полость кровь должна была черезъ продѣланное въ позвоночникѣ отверстіе проникнуть подъ кожу спины и остаться въ мѣшкѣ, образованномъ отдѣленною кожею спины. Тутъ и должны были найти ее или слѣды ея присутствія. Между тѣмъ ни въ сказанномъ мѣшкѣ, на внутренней поверхности кожи спины, ни въ грудной полости не только не обнаружено крови, но даже и какихъ-либо слѣдовъ пропитыванія ею грудобрюшной преграды и подреберной плевры въ заднихъ и нижнихъ частяхъ полости. Обширный многолѣтній опытъ и множество вскрытій убѣдили меня въ томъ, что при вскрытіяхъ, производимыхъ на 1—2—3 или 4 дни послѣ смерти, при перерѣзкѣ нижней полой вены всегда изливается большое количество крови въ грудную полость. Такое же кровоизліяніе,—можетъ быть, только въ меньшей степени,—безъусловно должно было получиться и при перерѣзкѣ нижней полой вены въ теченіи первыхъ дней послѣ смерти на трупѣ умершаго отъ перерѣзки шеи. Обвиненіе полагаетъ, что въ данномъ случаѣ спустя извѣстное, непродолжительное время послѣ перерѣзки шеи были изъяты грудныя внутренности; вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, должна была быть перерѣзана нижняя полая вена надъ самою печенью. Подобная перерѣзка должна была сопровождаться упомянутымъ кровоизліяніемъ. Отсутствіе всякихъ слѣдовъ такого изліянія на остаткахъ трупа даетъ намъ право сдѣлать съ полнымъ основаніемъ выводъ, основываясь на данныхъ науки и 20-лѣтняго личнаго опыта, что *изъятіе грудныхъ внутренностей произведено не непосредственно послѣ убійства и не въ теченіи первыхъ 3—4 дней послѣ него, а тогда, ког-*

да кровь изъ печени была уже вытѣснена иніеіемъ (эмфиземою) и когда она устѣла уже изъ нея и полой вены пропотѣтъ въ нижележащія части, а можетъ быть и совсѣмъ удалиться изъ тѣла.

Утверждая, на основаніи изложеннаго, что изгятіе части позвоночника и извлеченіе внутренностей изъ трупа Матюнина были произведены незадолго до вскрытія его, я нахожу подтвержденіе такому моему мнѣнію, прежде всего, въ томъ, что до вскрытія никто даже и не зналъ, что внутренности извлечены, что ихъ нѣтъ; отсутствіе ихъ не было замѣчено даже и при подробномъ осмотрѣ трупа полиціей 9-го мая, когда его раздѣвали. Въ составленномъ по этому поводу 10 іюня протоколѣ значится, что «голова отрѣзана у самыхъ плечъ и вытянуто горло, но со всѣми ли внутренностями, разобрать невозможно, потому что отверстие представляетъ массу запекшейся крови». Только слѣпой могъ бы не замѣтить, что грудныя внутренности вынуты, если бы ихъ дѣйствительно не было, такъ какъ на шеѣ имѣлось бы то громадное зіяющее отверстие въ грудную полость, которое я получалъ при опытахъ на трупахъ послѣ изгятія указанной грудной части позвоночника. Черезъ такое страшное отверстие свободно видна и можетъ быть осмотрѣна вся грудная полость. Разъ весь отрѣзокъ шеи былъ закрытъ запекшеюся кровью, такъ что грудная полость представлялась недоступною для глаза, то само собою понятно, что изгятіе позвоночника и извлеченіе грудныхъ внутренностей въ это время не были еще произведены. Не забудемъ, что 10-го іюня трупъ былъ перенесенъ на нѣсколько сотъ сажень,—отъ мѣста, гдѣ его нашли, до выкопанной, на Мултанской землѣ, ямы; его поднимали, носили, укладывали въ яму. Неужели и при этомъ никто не усмотрѣлъ бы громадной дыры, ведшей въ пустую грудную полость? Мы знаемъ также, что послѣ обнаруженія трупа и до осмотра его полиціею множество крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень ходили смотрѣть трупъ. Они то и затоптали всѣ слѣды кругомъ. Можно ли допустить, чтобы никто изъ нихъ тоже не замѣтилъ отсутствія внутренностей. Всѣ, какъ оказывается по дѣлу, видѣли только, что

отрѣзана голова. Все это заставляетъ меня утверждать, что до самаго осмотра трупа глазамъ, осматривавшихъ его представлялась лишь покрытая кровью оставшаяся часть шеи. Тогда и присутствіе крови на ней представляется совершенно естественнымъ, ибо при перерѣзкѣ шеи на свѣжемъ трупѣ даны всѣ условія для кровоизліянія на поверхность обрѣзка. Въ виду всего этого, и отрицаніе на Судѣ приставомъ и ближайшими его сподвижниками, присутствіе запекшейся крови на шеѣ получаетъ совершенно особое освѣщеніе. Въдѣ, врачъ далъ послѣ вскрытія заключеніе, что смерть произошла отъ полнаго обезкровливанія тѣла Матюнина, а между тѣмъ въ протоколъ неосторожно занесена «масса запекшейся крови», которой, разъ смерть произошла отъ указанной причины, не должно было быть. Сдѣланъ промахъ; нужно поправить его и отрицаніе готово. Съ точки зрѣнія устанавливаемого мною времени изъятія грудныхъ внутренностей дѣлается понятнымъ и самый способъ изъятія ихъ удаленіемъ части позвоночника: кожа должна была быть сохранена въ цѣлости, ибо всѣ же видѣли остатки трупа; видѣли цѣлость кожи; могли не видѣть отверстія въ грудную полость за «запекшеюся въ ней» кровью, но кровь и цѣлость кожи видѣли; всякое поврежденіе послѣдней могло возбудить подозрѣнія; оно непременно бросилось бы въ глаза видѣвшимъ трупъ раньше. Невольно приходилось прибѣгнуть къ описанному трудному способу изъятія позвоночника топоромъ, чтобы скрыть извлеченіе внутренностей. Ради собственнаго огражденія это было безусловно необходимо.

Однако, я уклоняюсь уже въ чисто судебную сторону дѣла. Ограничусь поэтому сказаннымъ. Дальнѣйшія сопоставленія сказаннаго съ нѣкоторыми другими давными дѣла могутъ привести къ другимъ, совершенно непредвидѣннымъ результатамъ и выводамъ, чуждымъ моей цѣли и задачѣ научнаго изслѣдованія. Скажу только, что, устанавливая, что внутренности изъяты передъ вскрытіемъ, когда дѣйствительно вся кровь уже пропотѣла изъ трупа, а не во время перерѣзки шеи въ ночь съ 4 на 5 мая, я eo ipso, долженъ признать, что вся пресловутая цѣль убій-

ства—жертвоприношеніе—лишена всякой опоры, построена на пескѣ. *Обрядоваго убійства не было*, а есть лишь ловкая поддѣлка подъ жертвоприношеніе при самыхъ туманныхъ неясныхъ представленіяхъ о подробностяхъ фактически ничѣмъ не установленнаго обряда.

Все дальнѣйшее, что я могъ бы сказать по поводу своеобразной операціи, продѣланной на трупѣ Матюнина, вышло бы за предѣлы моей врачебной спеціальной компетенціи. Поэтому я и ограничиваюсь сказаннымъ.

Едва ли нужно говорить что-нибудь объ *оцѣнкѣ различныхъ химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій, произведенныхъ по данному дѣлу*.

Скажу вообще, что въ актахъ этихъ химико-микроскопическихъ изслѣдованій много неопредѣленнаго, неточнаго и нерѣшительнаго. Въ выводахъ имѣются выраженія въ родѣ «сходны по строенію и величинѣ съ волосами человека, но отличаются отъ нихъ....» или «волосы покрупнѣе, ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ волосъ человека». Спрашивается, отличаются-ли они чѣмъ-нибудь несущественнымъ? Такія выраженія, напоминающія известное «нельзя не признаться, а нужно сознаться»—въ актахъ микро-химическихъ изслѣдованій не должны бы имѣть мѣсто. Выраженными столь неопредѣленно выводами можно пользоваться по желанію и усмотрѣнію, какъ это и было сдѣлано обвиненіемъ въ данномъ случаѣ: оно внесло въ обвинительный актъ изъ этихъ выводовъ то, что ему было желательно, выбросивъ оговорочную часть заключенія; оно внесло, напр., «что волосы сходны съ волосами человека», а что они рѣзко отличаются отъ нихъ большимъ развитіемъ клѣточныхъ элементовъ кожицы, этого не внесло. Ограничиваюсь сказаннымъ о свойствахъ названныхъ актовъ.

Въ виду отрицательнаго свойства всѣхъ этихъ изслѣдованій, онѣ теряютъ всякое значеніе для вопроса о спорномъ фактѣ, потому что нельзя же признать такое значеніе за однимъ—изъ нѣсколькихъ сотъ изслѣдованныхъ—волосомъ, оказавшимся похожимъ на волоса Матюнина, и притомъ—волосомъ неизвѣстно гдѣ взятымъ и неизвѣстно куда исчезнувшимъ изъ числа вещественныхъ доказа-

тельствъ. Значеніе его, конечно, равно нулю въ смыслѣ достовѣрности и доказательности.

Еще нѣсколько словъ *относительно измѣненій, найденныхъ въ желудкѣ*. Въ протоколѣ относительно состоянія желудка сказано, что слизистая оболочка его красноватая съ точечными кровоизліяніями. Спрашивается, что это за измѣненія? Въ виду общей блѣдности органовъ, онѣ должны быть признаны прижизненными. Происхожденіе ихъ можетъ быть приписано острому раздраженію слизистой оболочки желудка какимъ-либо раздражающимъ или ѣдкимъ веществомъ, вызвавшимъ приливъ крови къ слизистой оболочкѣ и разрывъ мелкихъ волосниковъ. Кровоизліянія могли быть вызваны и судорожнымъ сокращеніемъ желудка, рвотными его движеніями, явившимися вслѣдствіе раздраженія слизистой оболочки. Такія измѣненія наблюдаются, напр., при остромъ отравленіи нѣкоторыми ядами, спиртомъ и пр. Дальше сказаннаго, вслѣдствіе недостаточности изслѣдованія и отсутствія важныхъ органовъ, мое объясненіе по этому вопросу идти не можетъ.

Нѣкоторые другіе общіе вопросы, весьма важные въ практическомъ отношеніи, напрашивающіеся сами собою и поражающіе при изученіи этого интереснаго дѣла, и проч. составляютъ предметъ особаго изслѣдованія.

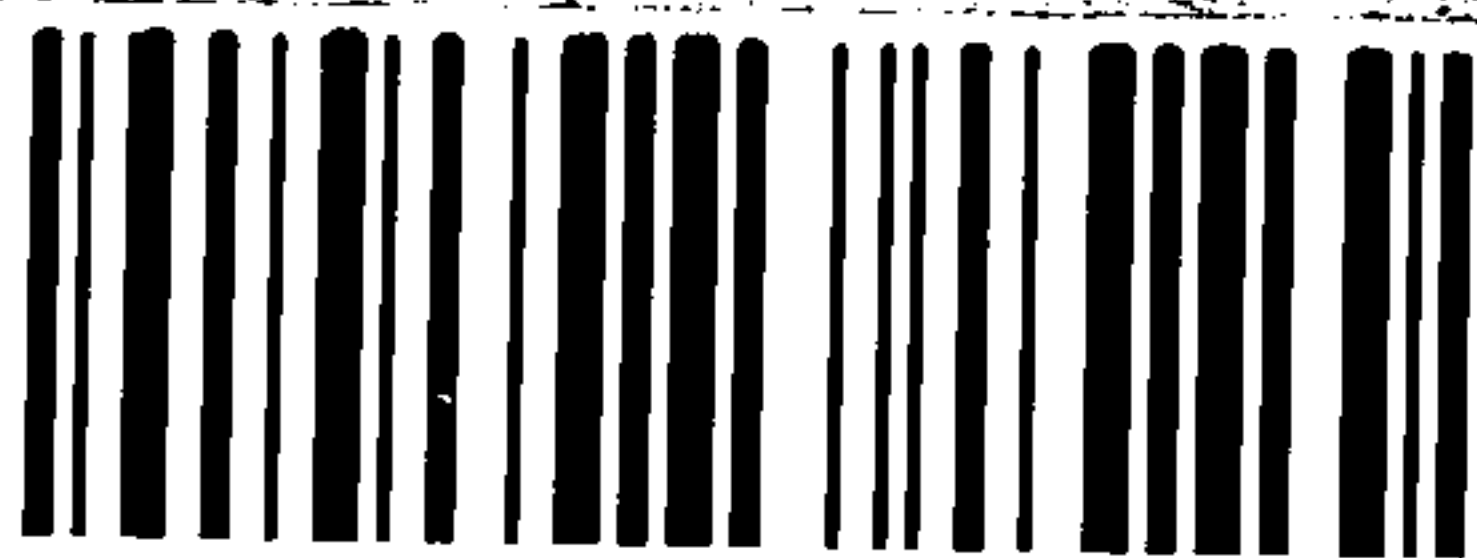
Не обратитъ на нихъ вниманія—значило бы не воспользоваться полезными и поучительными указаніями неумѣлаго, а потому и неудачнаго судебно-медицинскаго опыта.

Въ заключеніе скажу, что все, что можно было добыть изъ жалкаго обрубка или остатковъ трупа Матюнина, лишеннаго важнѣйшихъ частей живаго организма, въ связи со скудными другими данными, я добылъ. Отрубокъ самъ по себѣ, сказалъ мнѣ больше, чѣмъ я ожидалъ. Изученіе его принесло мнѣ пользу, а если результаты этого изученія принесутъ пользу и разъясненію истины въ этомъ странномъ и темномъ дѣлѣ, то я сочту себя сторицею вознагражденнымъ за небольшой трудъ, понесенный мною по этому интересному изслѣдованію.

Изъ «Врача» № 12-го.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 апрѣля 1896 года.

Типографія Я. Трей, Разъѣзжая, 43.

2007237506